

Линь Тунси оставался совершенно спокоен.

Он сидел у окна. Яркие полуденные лучи мягко ложились на его темную рабочую куртку свободного кроя, окутывая фигуру золотистым ореолом, а теплый блик на самом кончике носа казался финальным, безупречным штрихом к этому живописному портрету.

Тунси спокойно встретился с собеседником взглядом:

— Учитель Гао, вы ведь собираетесь сменить гражданство?

Гао Лан опешил. Меньше всего после признания в любви он ожидал услышать подобный вопрос. Впрочем, тут же вспомнив, насколько Тунси всегда отличался от других, он лишь мягко улыбнулся:

— Да, есть такие планы.

Немного помолчав, Гао Лан добавил с легкой усмешкой:

— Мое признание, кажется, несколько тебя не удивило. А я-то боялся, что покажусь излишне резким или что ты вообще не примешь подобных ухаживаний.

Линь Тунси едва заметно улыбнулся в ответ:

— Будь я столь категоричен, вы бы вряд ли решились на этот разговор.

Гао Лан искренне рассмеялся:

— Вот видишь! Я же говорил, что мы созданы друг для друга. — Заметив, как приподнялись брови собеседника, он поспешил объяснить: — В последние годы я в основном снимаюсь за рубежом. Там совсем другая атмосфера, стирающая границы: любовь чиста, для нее не важны ни пол, ни гражданство. И пусть ты никогда не высказывался на эту тему публично, я чувствую твою широту взглядов. Ты никого не судишь. Даже не зная моих предпочтений, ты не стал бы относиться ко мне предвзято — пусть даже я и открыл тебе свои чувства. Поэтому я решил довериться интуиции и рискнуть. К тому же ты настолько притягателен, что я наверняка далеко не первый мужчина, который признается тебе в любви.

Линь Тунси сидел неподвижно, сохраняя молчание.

— К тому же, — с улыбкой продолжил Гао Лан, — раз ты знаешь о моей скорой эмиграции, значит, тоже следишь за мной?

Опустив ресницы, Линь Тунси усмехнулся:

— Вы упоминали об этом чуть ли не в каждом интервью на зарубежных кинофестивалях. Любой, кто смотрел трансляции, в курсе. Я лишь хотел уточнить: процедура завершится в следующем году?

Скрывать Гао Лану было нечего, и он подтвердил:

— Да, все верно. Уже в начале года я получу паспорт. — Он на мгновение задумался, прежде чем спросить: — Тебя это как-то смущает?

Тунси поднял на него спокойный взгляд:

— Ничуть. Просто у меня нет планов заводить отношения. Мое будущее выглядит совсем иначе, чем ваше, так что вам действительно не стоит тратить на меня время.

Гао Лан мягко улыбнулся:

— И любовь, и брак — это всегда поиск компромиссов, умение принимать различия. Мне бы очень хотелось узнать, как именно ты видишь свою жизнь, Тунси. Если считаешь, что я слишком тороплю события, давай начнем с дружбы. С самой первой нашей встречи я мысленно отвел тебе место в своем будущем. Твои мысли и твое отношение невероятно важны для меня.

С самого начала их встречи в зале негромко играла спокойная музыка, но стоило Гао Лану замолчать, как мелодия внезапно оборвалась. Актер недоуменно огляделся. В наступившей тишине отчетливо зазвучали чьи-то шаги, и вскоре из-за барной стойки вальяжно вышел человек.

Это был Цинь Нань.

Сегодня он оделся на редкость тепло: объемный черный пуховик на солнце переливался едва заметным перламутром, а строгие очки в темной оправе придавали ему вид вполне приличного, интеллигентного молодого человека. Вот только ледяной, почти осязаемый взгляд, которым он уставился на Гао Лана, обещал стереть того в порошок.

Подойдя к их столику, Цинь Нань сверху вниз посмотрел на Линь Тунси и молча поднял руки: левой показал один палец, правой — восемь.

Тунси едва заметно поджал губы. Восемнадцатый. Все ясно без слов.

Появление Цинь Наня застало Гао Лана врасплох.

Решение признаться в чувствах созрело у него под утро, сразу после того как они расстались. Первым делом он разузнал планы Ли Маньмань и убедился, что та не появится в ресторане, да и всей съемочной группе сейчас было явно не до обедов. Действуя в строжайшем секрете, он поручил своим помощникам выкупить зал на пару часов. Сюда не должны были пускать ни единой живой души, кроме Тунси. Как же здесь очутился этот парень?

— Господин Цинь, добрый день, — подавив изумление, Гао Лан вежливо поднялся для приветствия. Он прекрасно помнил, что Цинь Нань руководит «Байяо» и представляет инвесторов, с которыми ссориться было крайне неразумно.

Стужа в глазах Цинь Наня растаяла за секунду — стоило лишь Линь Тунси бросить на него предупреждающий взгляд. Впрочем, руку для рукопожатия молодой человек протягивать не стал, ограничившись дежурной полуулыбкой.

— Я пришел целенаправленно к господину Линю. Не думал, что застану его здесь с вами. Простите, если помешал трапезе.

На лице Цинь Наня при этом не читалось ни капли сожаления.

— Впрочем, вы, кажется, уже закончили? Могу я забрать господина Линя? Нам нужно срочно обсудить одно очень важное дело. — Он перевел взгляд на Тунси и выразительно приподнял бровь: — Господин Линь?

Наблюдая за этой сердитой, но упрямо напускающей на себя деловитость фигурой, Тунси едва сдержал улыбку. Он грациозно поднялся из-за стола и повернулся к актеру:

— Большое спасибо за приглашение, учитель Гао. Раз у господина Циня ко мне неотложное дело, вынужден откланяться.

Он прекрасно понимал, что никакого «важного дела» у Волчонка нет и это лишь нелепый предлог, чтобы увести его подальше. С другой стороны, продолжать этот затянувшийся обед Тунси и сам не желал — все точки над «i» уже были расставлены. Попрощавшись с Гао Ланом, он направился к выходу.

Гао Лан долго провожал их взглядом. В голове невольно всплыли давние слухи о тесной связи Линь Тунси с верхушкой «Байяо». Манера, в которой эти двое общались, выдавала глубокую близость, заставившую актера всерьез задуматься об истинной природе их отношений.

Стоило дверям лифта закрыться, как Цинь Нань взорвался, буравя Тунси обиженным взглядом:

— Да у него же все на лице написано! Он коварен! Он спит и видит, как бы тебя прибрать к

рукам! Подозрительный тип!

Взглянув на отражение покрасневшегося парня в зеркальной стене кабины, Тунси прыснул от смеха и согласно кивнул:

— Ладно, тут ты прав. Своя корысть у него определенно имелась.

Цинь Нань опешил — он никак не ожидал такой покладистости. Мужчина его грез стоял совсем рядом, едва ли в полуметре, и от сияющей улыбки на его губах перехватывало дыхание.

«До чего же он красив, когда смеется. Так бы и спрятал от чужих глаз, чтобы никто больше не смел на него смотреть».

Цинь Нань замер, забыв обо всех заготовленных обвинениях.

Он так и шел следом, пожирая Тунси глазами до самой двери его номера. В конце концов Линь Тунси не выдержал этого навязчивого внимания и, перегородив собой проход, холодно бросил:

— Если тебе больше нечего сказать, возвращайся к себе.

— Кто сказал, что нечего? — Цинь Нань ловко проскользнул мимо него в прихожую. — У меня полно дел.

В лифте он помалкивал лишь из осторожности — мало ли кто мог войти или подслушать за углом. Но здесь, за закрытой дверью, они были в полной безопасности, и скрывать триумф больше не имело смысла.

— Я ведь не просто так к тебе пришел. Я его с самого утра в этом ресторане караулил!

Цинь Нань сбросил громоздкий пуховик и вольготно развалился на диване. Отопление в номере включили недавно, внутри было еще прохладно, поэтому сам Линь Тунси куртку снимать не спешил. Качая головой на бесцеремонность гостя, он молча занялся чайником.

Внутренний голос подсказывал, что если этот несносный мальчишка умудрится здесь простудиться, то непременно свалит всю вину на него и потребует круглосуточной заботы. Из чистого чувства долга Тунси налил две чашки горячей воды и одну протянул Цинь Наню.

— Спасибо, брат Линь, — расплылся в улыбке тот, принимая чашку. — Еще когда он вытаскивал тебя из воды, я почуял неладное. Сразу приказал приглядывать за этим типом. И ведь как в воду глядел! Подгадал момент, когда никого не будет рядом, арендовал целый зал, расставил свои декорации для признания... Все рассчитал, паршивец. Хорошо, что я вовремя вмешался. Персонал выгнать меня не посмел, а сам киноактер даже не догадывался, что я

сиджу прямо за стойкой.

Линь Тунси смерил его прохладным взглядом:

— Он уважаемый человек в индустрии кино и намного старше тебя. Брось свои уличные замашки. Называй его вежливо — учителем Гао или господином Гао. Не дерзи.

— Как скажешь, во всем тебя слушаюсь, — весело отозвался Цинь Нань.

Поправив очки на переносице, он победно улыбнулся. Осознание того, что Тунси без колебаний отверг соперника, грело душу. Не зря он скрючившись сидел за барной стойкой, заставив себя вытерпеть слащавые излияния Гао Лана до самого конца. И лишь когда прозвучало заветное «нет», с легким сердцем бросился на перехват.

Линь Тунси устало потер переносицу. Прошлой ночью ему удалось вздремнуть едва ли час — с четырех до пяти утра, после чего пришлось с головой уйти в корпоративные дела. Завтрак ему принес Сяо Бэй прямо в комнату, и к моменту обеда Тунси буквально шатался от голода.

Даже понимая, что у Гао Лана есть скрытые мотивы, он предпочел сначала просто поесть, решив разобраться со всем остальным позже.

Теперь же, когда голод отступил, его окончательно накрыла волна изнуряющей сонливости.

— То, что Гао Лан меняет гражданство, в индустрии ни для кого не секрет, — тихо заговорил Тунси, устраиваясь поудобнее. — Отказаться от своего паспорта в пользу чужого — его личный выбор, в который мы не вправе вмешиваться. Но вчера на ночном совещании с режиссером Ся мы слишком торопились и не стали усердно скрывать некоторые детали. Гао Лан умен, он наверняка уловил суть. И его внезапное предложение сблизиться, полагаю, продиктовано не только внезапной симпатией.

Заметив чужую усталость, Цинь Нань бесшумно подобрался ближе и принялся аккуратно разминать затекшие плечи Тунси, инстинктивно понизив голос до полусшепота:

— Он пытается разузнать о твоём происхождении? Твои секреты ведь не раскрыты?

— Я тебе не дырявый шарик, чтобы из меня что-то вытекало, — вяло отшутился Тунси.

Он попытался отстраниться, но Волчонок держал крепко. Впрочем, когда сильные пальцы начали массировать ноющие мышцы, приятное тепло мгновенно разлилось по телу. Тунси дернулся еще раз, но парень лишь усилил хватку — так, что кости едва не хрустнули. Испугавшись, что этот дикарь ненароком что-нибудь ему сломает, Линь Тунси благоразумно замер.

Волчонок вел себя на удивление прилично: пальцы двигались уверенно, массаж выходил куда профессиональнее, чем раньше, без всяких вольностей. Тунси решил уступить: пусть разомнет спину, вреда не будет.

Он слегка откинул голову назад, расслабляя шею, и негромко произнес:

— Чувства у него, возможно, и настоящие, но толика холодного расчета — обычное дело для взрослых людей.

Цинь Нань недовольно цокнул языком:

— И ты так легко его оправдываешь? А когда я приношу тебе свое сердце на ладони, ты от меня воротишь нос!

Линь Тунси прикрыл глаза, не желая ввязываться в этот спор. С трудом преодолевая зевоту, он пробормотал:

— Это все, что ты хотел обсудить? Если да, то уходи. Я засыпаю на ходу, мне нужно прилечь.

— Эй, постой, не гони меня! У меня правда есть важное дело! — испугавшись немедленного выселения, Цинь Нань тут же умерил пыл. Однако, глядя на бледное от утомления лицо Тунси, он смягчился: — Сделай так: ложись спать, а я тихонько посижу здесь. Проснешься — и поговорим. Как тебе идея?

<http://bllate.org/book/20602/2132677>